

ОТЗЫВ

о диссертационной работе Гусач Ирины Рудольфовны на тему: «Импортная керамика Северо-Восточного Приазовья конца XV – начала XVIII вв.», представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Диссертационное исследование И.Р. Гусач состоит из двух томов общим объёмом 421 стр. Первый том – текстовая часть (251 страница), второй – иллюстрации, включающие карты, планы, чертежи, аналитические диаграммы, рисунки и фотографии керамики, сгруппированные в соответствии со структурой работы. Текстовая часть состоит из введения, трёх глав, заключения

Во введении обоснована актуальность темы исследования, сделан историографический обзор, названы предмет и объект исследования (о последнем – с чем связан), определены цель и задачи исследования, охарактеризованы источники и методы исследования. Шероховатости в этой части незначительны. Например, в памятники Юго-Восточного Крыма попал Мангуп (с. 10). Повреждение культурного слоя крепости Лютик (с. 10) не следовало бы называть сильным, поскольку в сравнении с другими памятниками того же времени он сохранился очень неплохо.

Не совсем точно И.Р. Гусач определяет время «постепенного процесса переосмысления исторической ценности керамического материала эпохи позднего Средневековья – Нового времени» 1990-ми годами (с. 5). В действительности это произошло по крайней мере лет на 20 раньше. Широкомасштабные раскопки золотоордынских городов на Юге России также начались не в конце XX в., а в 1960-х гг.

Особенно интересно было узнать, что эти раскопки «принесли огромное количество находок малоизвестной тогда поливной и неполивной керамики XIII-XIV вв., изучение которой стало настоящим прорывом на рубеже XX и XXI веков в отечественной керамологии и послужило основой для формирования новой южнорусской «средневековой керамической школы»

(основатель – Масловский А.Н.) на базе Азовского краеведческого музея – ныне ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник» (г. Азов, Ростовской области)» (с. 5), а потом к этому процессу подключились люди, у которых А.Н. Масловский учился. Такое бывает, главное – скромно.

При характеристике «визуально-описательного метода» И.Р. Гусач указала, что он позволяет «осуществлять разделение керамики на морфологически однородные группы». Следовало бы особо оговорить, что визуально определяется не только «морфологическая однородность», но в первую очередь, технологическое родство, а морфологическое сходство как раз бывает обманчивым. И популярность визуального определения керамики связана не с недоступностью современного лабораторно-технического оборудования, а со сложностью интерпретации данных естественно-научных методов, часто приводящих к курьёзным выводам.

При характеристике источников основной из них выделен как «материальный», лучше было бы назвать его вещественным или просто обойтись без этого бессмысленного обобщения, поскольку все типы использованных источников совершенно материальны. Также в числе изобразительных источников лучше было бы отметить не «иконографию XVII в.» (с. 12, 16), а просто иконы этого периода.

В первой (историографической) главе рассматривается не только история изучения керамики османского времени, но и археологических памятников периода в целом, и исторические сведения о них, что является безусловным достоинством. Незначительные неточности ничего принципиально не меняют. Например, при перечислении объектов внутри Азовской крепости указана текке, хотя она находилась за пределами стен. При интерпретации домов, крытых глиной И.Р. Гусач решила, что они крыты черепицей, но, скорее всего, именно глиной были обмазаны со всех сторон дома из циновки и камыша.

Вероятно, по недоразумению, при описании Каланчей сказано, что одна находилась на левом берегу Дона (Крымской стороне), а другая – на правом (Кубанской или Московской). Любой читатель опешит, осознавая, что

Москва и Кубань находятся по одну сторону от Дона. В действительности, с XV в., когда появились первые топографические сведения о регионе, Крымской стороной называлось то, что простирается от правого берега Дона, а Черкесской или Кубанской – от левого.

Несколько неточностей связано с фортификаций Петровского времени. Явная опечатка – 1969 г вместо 1696. «Земляные валы звездообразной формы», в действительности были обычного бастионного фронта (это никакой не штерншанц, и не полигональный фронт), а звездообразность диссертантка, видимо, увидела в обозначаемых на планах широких гласисах, которые валами не являются.

Читатель совсем вводится в заблуждение валами «построенными по новой бастионной системе французского военного инженера С.П. де Вобана» (с. 19). В действительности, бастионный фронт не был изобретением Вобана, он появился в XIV в. в Италии, а затем совершенствовался всей Европой вплоть до появления полигонального. Сам Вобан строил крепости существенно отличающимися, и знаменит созданием системы правильной осады, а не каким-то новшеством бастионного фронта, которого всё равно нет в Азове. Главное же то, что настольной книгой государя Петра Алексеевича было руководство Менно ван Кугорна, где и следует искать прототипы для укреплений Азова. Впрочем, к керамике это не имеет никакого отношения, и от этого пассажа можно было просто отказаться.

При характеристике надгробия Якопо Корнаро (с. 22) лучше было воспользоваться более новой профессиональной статьёй Е.Ч. Скржинской в «Византийском временнике», чтобы заковыченная часть эпитафии была точнее. Опять же, это не о керамике.

Периодически диссертантка использует название «в стиле Милет» или «Милетская посуда» (следуя за И.Б. Тесленко) с одинаковым значением. Сложность названия понятна, приходится подбирать аналогию для определения Miletus ware. Обращаю внимание на то, что понятие связано в первую очередь с технологическими признаками, а не со стилем росписи (хотя они несколько взаимосвязаны). Поэтому проблема подбора названия остаётся.

Напрасно И.Р. Гусач называет монеты крымских ханов «дирхемами» (с. 28). В ханстве ходили акче, бешлыки, но проще использовать просто слово монеты. Архаизмом выглядит название «Оттоманская Порта», хотя в русском языке давно утвердилась форма «Османская». Обе транскрипции передают одно и то же турецкое слово. Первый вариант принят во французском, английском и итальянском; второй – в немецком и русском. Второй – ближе к оригиналу, но есть некоторое количество русских произведений того периода, когда ориентировались в первую очередь на французскую литературу. Унификация названий несколько не обеднит речь.

Совсем неудачно, когда речь идёт об изучении «турецких курительных трубок XVII-XVIII вв. из музейных коллекций Софии, Варны, Сердика, Великого Тырнова и т.д.» (с. 38). София и «Сердик» представляются однородными членами, и даже не подряд, хотя Сердика – это первоначальная крепость, историческая часть Софии.

Во второй главе рассматривается история изучения памятников османского периода, и связанные с этим проблемы; особенности керамики как источника, принципы её «типологизации». Опять же, в словосочетании «керамика как основной материально-исторический источник» явно лишнее «материально-исторический». Можно сказать, что глава – это методическое *credo* диссертантки.

При определении «керамических маркеров с известной датировкой» И.Р. Гусач отмечает керамику «Милет» и кютахьинские чашечки с полихромной росписью (с. 48). Для первой приводится дата XV – начало XVI в., и даётся ссылка на единственную работу крымских археологов, где для выводов использовались не закрытые комплексы с недостаточно ограниченными датами (поселения с длительным периодом обитания и значительным наклоном поверхности для этого вообще неудобны). При этом принятая прежде датировка ограничивается XV веком. Для расширения даты желательно было бы представить больше аргументов, хотя длительное запаздывание исключать нельзя. Что касается кютахьинских чашечек с полихромной росписью, датируемых XVIII веком, то ссылка даётся только на собственные публикации. Датировка их XVIII веком сделана очень давно на

основании определения используемых пигментов изразцовых покрытий датированных построек, и касалось это использования только желтого и фиолетового цветов. Поэтому следовало бы определиться, что именно в понимании диссертантки «полихромные» и привести развёрнутую аргументацию.

В разделе, посвященном «принципам типологизации» И.Р. Гусач очень «широкими мазками» излагает разные подходы, подробнее других – И.Б. Тесленко (с. 50-51). В этом синкретичном подходе И.Р. Гусач должна была бы обратить внимание на явные внутренние противоречия: отдельно рассматриваются «наличие или отсутствие поливы» и «технология оформления поверхностей»; при этом отдельно стоит «техника изготовления» и последовательно идут «морфологические признаки» и «морфологические признаки и размеры». Также полезно было бы последовать рекомендациям А.Н. Масловского, и не включать признак назначения в систематизацию за бесполезностью.

В результате диссертантка остановилась на систематизации, используемой в Азовском музее, что совершенно разумно, поскольку позволяет легче пользоваться формализованными описаниями. Однако в формулировке здесь допущена некоторая «вульгаризация» изначальной формулировки первого пункта схемы. В группы должна объединяться продукция родственных производств, а не «по месту и центрам производства» (с. 51), хотя они могут совпадать. При этом в одном месте легко могут сосуществовать производства разных групп, и в разделённых большими расстояниями пунктах может производиться керамика одной группы (когда не фиксируются различия в их продукции).

Иногда видна некоторая небрежность в заковыченных цитатах. Например, называется «Группа тазов на трёх ножках» (с. 53), хотя в тех работах, на которые даётся ссылка, фигурируют просто «тазы на ножках». Иногда это касается и описаний. Например, «В основе полуфаянсовой посуды Изника и Кютахьи лежит силикатная формовочная масса, которую в научной литературе принято называть «каменной массой», «кварц-фриттой» или кашинотом» (с. 54). Само использование понятий «фаянс» и «полуфаянс»

крайне неудачно из-за отсутствия их точного определения, то есть это не термины. «Каменная масса» – это совершенно иной материал, к предмету не относящийся. А главное то, что в османский период основа могла быть и действительно близкой к кашину (это большая часть изделий Изника, особенно, XVI-XVIII вв.), и совершенно каолиновой, без какой-либо видимой примеси кварцевого песка (это большая часть изделий Кютахьи, особенно XVIII в.). Вопрос о необходимости их различения должен быть заложен уже в используемой терминологии.

Неудачна характеристика фарфора: «...из особых глин, содержащих большую примесь каолина» (с.54). В действительности каолин составляет основу фарфора, а незначительные добавки-стабилизаторы – не глинистые.

Третья глава – основная и самая важная, где последовательно даётся характеристика всех выделенных групп импортной керамики, собственно она и составляет основу диссертации. Импортная керамика описана и проиллюстрирована весьма подробно. Во многих случаях И.Р. Гусач следует за сложившейся в литературе традицией, иногда новыми, не вполне признанными мнениями. Объективная оценка материала выразилась в том, что фрагментированный материал диссертантка описала и проиллюстрировала даже в тех случаях, когда типовые, и даже видовые, определения невозможны.

Опора на публикации материалов из мест близких к очагам производства во многом облегчают понимание, но иногда информация передаётся неточно. Например, утверждение «Поэтому исследователи объединяют пока все местные поливные и неполивные глиняные изделия в одну «семью» с общим названием «Крым», условно выделяя в ней группу продукции гончарных мастерских Юго-Восточного и Юго-Западного Крыма (Тесленко, 2012. С. 232; Тесленко, Алядинова, 2019. С. 303-308)» (с. 58) не соответствует действительности. Выделенные для золотоордынского времени группа Юго-Восточного Крыма и группа Юго-Западного Крыма совершенно не родственны, у них общих черт почти нет. И крымские исследователи не писали об их «слиянии». Вторая после османского завоевания очень быстро деградирует, а первую в это время, возможно, стали

производить и в Юго-Западном Крыму. Кстати, и до османского завоевания такое было возможно, об этом в частности свидетельствуют находки сепай с из соответствующей ЮВК формовочной массы в Чембало.

Даже предположительно не следовало связывать появление тарелок типа 3 (с рельсовидным т-образным венчиком) с переселением гончаров (с. 65), поскольку заимствование формы – это самое простое и распространённое явление, а все остальные признаки соответствуют группе Юго-Восточного Крыма. Этим как раз и обусловлена крайне неудачное название «группы горшков с рельсовидным венчиком»: и формы венчиков в группе крайне разнообразны, и разные варианты венчиков этой группы имеют весьма точные аналогии в разных группах, причём на разных видах сосудов.

Иногда бывает проблематична интерпретация находок, но это не меняет важности и понятности представляемого материала. Особенно ценно выделение специфической формы сосудов-уток (с.82-83), прежде на памятниках территории бывшего СССР не фиксировавшихся. Также удивительной была фиксация в группе Юго-Восточного Крыма такого вида изделий, как «тазы на трёх ножках» (прежде мне не приходилось с таким сталкиваться), что является показательнейшим примером заимствования сложной формы.

Есть некоторые пожелания к наименованию сосудов в будущем. В отечественной литературе масляные светильники почти не называли лампами, это калька с европейских языков. Лучше было бы сохранить традицию. Также не очень желательно параллельное использование названий кюп и пифос, поскольку это совершенные синонимы, только турецкий и греческий (в Средней Азии был бы хум, а в Армении – карас). В данном случае желательно подобрать более однородные слова.

Пожалуй, слишком смелым является отнесение к группе Юго-Восточного Крыма курительных трубок, причём разных фасонов с отличиями формовочной массы и качества обжига. Невозможность этого сводится к следующему. В группу объединяется продукция с одинаковыми основными технологическими признаками, то есть способом формовки и составом формовочных масс. Способ формовки у этого вида изделий

совершенно отличен от любой посуды и керамики вообще – прессовка в форму путём вбивания двух клиньев. Поэтому и производство было довольно специализированным. Состав формовочной массы по этой причине требовал особой пластичности, поэтому формовочная масса за мизерными исключениями была отмыта до состояния шликера, в ней не то что породы, и минералы не видны. Упомянутая в диссертации редко встречающаяся примесь известковых включений (с. 97) вполне может быть вторичным образованием уже в земле. И даже если исследовательская интуиция не подвела Ирину Рудольфовну, и представленные трубки действительно произведены на территории Крыма, то нет признаков, позволяющих объединить их с остальным ассортиментом группы. Это приблизительно то же самое, что объединить красноглиняную и кашинную керамику, сделанную в одной мастерской на Селитренном городище. Каковы находки в Приазовье читателю понятно, но для большей целостности систематического изложения было бы лучше выделить особую группу и оговорить возможности её происхождения.

Описание импортной продукции Изника и Кютахьи интересно, своеобразно, но в определённом смысле рутинно, поскольку описаний разными авторами много, и в диссертации больше было интересно распространение и представленность находок в Северо-Восточном Приазовье. Было бы ещё интереснее увидеть рассмотрение различий формовочных масс от «кашина» до почти чистого каолина.

Но главный «парад описаний» касался групп, почти не описывавшихся в отечественной литературе прежде (Чанаккале в Дарданеллах, на побережье Мраморного моря, в Стамбуле и на Балканах и т.д.). Особенно ценно, что систематично описана продукция нескольких неизвестных центров, что фактически является программой для исследований уже не одного археолога. Мелкие погрешности и спорные моменты несколько не умаляют этой части диссертации. Как уже говорилось, особенно проблемным является отнесение курительных трубок к группам, представленным широким ассортиментом изделий.

Не могу умолчать о двух группах, которые непременно должны быть представлены, по крайней мере, в Азове, но очень сложны для выделения из-за в первую очередь из-за перемещений слоя, они не отражены в диссертации. Во-первых, это русская керамика, которая поступала и до окончательного присоединения крепости к России, и после. В качестве примера могу привести только одну чернолощёную морёную кубышку из ямы, использовавшейся до последнего осадного передвижного вала (или раньше) с раскопа 1987 г. на Ленинградской ул., 29. Естественно, в общем случае проблематично по стратиграфии отличить находки до первой половины XVIII в.

Другая группа – это северокавказская лощёная керамика, которая бытовала в среде адыгов, и значимо представлена на поселениях Таманского полуострова, существовавших вплоть до момента присоединения к Империи. К сожалению, она очень традиционна, и в Азове отличить её от 1-й местной группы золотоордынского времени сложно. Поэтому решить проблему её выделения удастся только с появлением большего числа «чистых» датированных закрытых комплексов.

Высказанные в отзыве замечания не являются критическими, и не влияют на общую высокую оценку диссертации Ирины Рудольфовны Гусач. Цель исследования – «характеристика импортной керамики османского, времени (кон. XV – нач. XVIII вв.), полученной в ходе археологических изысканий на территории Северо-Восточного Приазовья» – достигнута.

Сразу видно, что диссертация написана не за три года аспирантуры, а в результате десятилетий работы по специальности в музее с очень хорошей базой, при непосредственном знакомстве с коллекциями множества отечественных и зарубежных музеев.

Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей научной работе по смежной тематике, а также при решении прикладных задач в музейной работе, и фондовой, и экспозиционной. И что особенно важно, представленная диссертация даёт благодатную почву для дальнейшей полемики по спорным вопросам. Очевидно, что диссертационное

исследование Ирины Рудольфовны Гусач не останется незамеченным и не использованным коллегами.

Автореферат в полной мере отражает содержание диссертационного исследования, передаёт представление о структуре, подходах и выводах, и даже об особенностях авторского стиля речи. Положения диссертации отражены в 35 публикациях, касающихся её темы, в отечественных и зарубежных изданиях, из них 4 – в индексируемых в системе Scopus и ВАК, а также в многочисленных докладах на конференциях разного уровня в течение более двух десятилетий. Особо отмечу прекрасно подготовленный диссертанткой к изданию каталог курительных трубок.

Диссертационная работа Гусач Ирины Рудольфовны на тему: «Импортная керамика Северо-Восточного Приазовья конца XV – начала XVIII вв.» является самостоятельным научным исследованием и соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, установленным Положением о присуждении ученых степеней. Автор диссертации Гусач Ирина Рудольфовна достойна присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Научный сотрудник отдела средневековой археологии
обособленного структурного подразделения «Институт археологии им. А.Х.
Халикова Академии наук Республики Татарстан» Государственного научного
бюджетного учреждения «Академия наук Республики Татарстан»
кандидат исторических наук

14.03.2025

Волков

Волков И.В.

420012 Россия, Республика Татарстан, Казань, улица Бутлерова, 30
+7 917 269-81-84, +7 843 236-55-42
arheotat@mail.ru archtat.ru

*Подпись И.В. Волкова заверяю:
учёный секретарь Института
археологии им. А.Х. Халикова АНРТ
А.А. Хуснутдинов*

